

УДК 72(09)+008+316.7

DOI: 10.17223/22220836/33/10

Т.В. Чапля

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО НОВОГО ВРЕМЕНИ: ДИНАМИКА И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Изучение динамики пространства связано с выявлением основных способов организации как внутреннего, жилого, так и внешнего, публичного, пространств. В XIX–XX вв. развитие представлений об организации пространства шло по пути создания единого абсолютного пространства, наблюдаемого с одной точки зрения, через пространство, постигаемое с множества точек зрения, к пространству, раздробленному на отдельные сегменты, представляющие собой симуляцию реального мира. Понимание архитектурного пространства связано с переходом от пространства как пустоты, предназначенного для заполнения пространства-места, к пространству-переходу, пространству-потоку и к пространству сетей или коммуникативных связей.

Ключевые слова: архитектура, модернизм, постмодернизм, пространство, интерьер.

Каждый из нас с момента рождения приходит в мир, уже кем-то осмысленный и организованный. По мере его освоения субъект попадает в определенную сеть размещения предметов и направлений своих перемещений, причем у каждого периода истории и культуры они свои. Изучение параметров пространства и его динамики в истории является актуальным, так как позволяет понять, как и почему люди организуют свою жизнь тем или иным способом. Исследование пространственно-временной динамики особенно актуализируется в мире виртуальной реальности. Архитектура формирует особый пространственно-временной континуум, который в виртуальном мире приобретает новые черты. Как отмечает в своем исследовании О.Т. Лойко, «Интернет формирует новое сообщество с новой коммуникативной парадигмой» [1. Р. 68], которое включает иные смыслы. Целью данной статьи является анализ особенностей понимания и организации пространства в XIX–XX вв. и выявление взаимосвязей мировоззрения и способов построения внешнего и внутреннего пространства как на уровне отдельно стоящего здания, так и на уровне организации внешней среды (города, улицы, двора).

Анализ того, что есть пространство, многократно становился темой исследований различных наук: физики, геометрии, социологии, философии, культурологии и т.д. К настоящему моменту сложилось несколько подходов к пониманию и анализу пространства как категории: математическое (анализ пространства с точки зрения декартовых координат), онтологическое (концептуальный анализ, с точки зрения образных представлений о пространстве), ментальное или перцептивное (анализ пространства с позиций представлений человека о нем, сложившихся в определенный период культуры).

Традиционно восприятие и организация пространства начинались с осознания человеком оппозиции своего и чужого, т.е. места, занимаемого им и другими. В связи с этим отчет пространства начинался от самого субъекта как его центра и уходил вдаль, таким образом формировалось направление: от себя-вдаль. Уже на заре человечества сложились представления о про-

пространстве как месте и направлении. А так как единственным мерилom этого пространства был человек, то оно изначально было центричным: человек видел то, что находилось вокруг него, отсюда можно установить зависимость между восприятием и формой первых построек – они были круглой формы. По мере продвижения вдаль, вглубь природы круглая форма сменяется квадратной, а затем и прямоугольной, которая была более удобной для организации проживания и обозревания окружения. Первыми формами осознания себя в мире стало противопоставление своего и чужого, нашедшего свое воплощение в противопоставлении внешнего и внутреннего пространств. «Уже в первых искусственно созданных жилищах и поселениях определилась противопоставленность внутреннего и внешнего, замкнутого и открытого – основа любых структур предметно-пространственного окружения. Внутреннее пространство, огражденное конструкциями здания (или, в пределах поселения, охваченного кольцом построек и изгородями), воспринималось как свое, как сфера культуры; внешнее – как чужое, лежащее за ее пределами, царство стихий, над которым человек не властен... Это упорядоченное звено, подчиненное конструктивной воле, стало между человеком и необозримостью Вселенной, превратившись в универсальную точку отсчета, центр радиальной системы координат, определяемых направлениями от дома к дому» [2. С. 165–166]. Так, например, китайский дом, по своей конструкции относящийся к каркасно-столбовому типу и известный «еще с эпохи неолита на Среднекитайской равнине, в настоящее время мало изменился, что говорит о необыкновенной устойчивости основных конструктивных принципов архитектуры, основанных на мощном семантическом наполнении ориентации по странам света, отдельных конструктивных элементов, цвета, форм, декоративных элементов и прагматических функций дома» [3. С. 99].

Вплоть до эпохи средних веков основными направлениями развития и освоения пространства будет горизонталь, уходящая вдаль, именно этим, на наш взгляд, объяснялось равнодушие к проработке внутреннего пространства не только жилых, но и храмовых построек. Причиной же пристального внимания человека к разработке именно внешнего пространства является, по-видимому, его стремление к освоению внешнего, чужого, враждебного пространства, которое человек хотел присвоить, сделать своим, дружественным.

Средневековье было связано со сменой акцента с горизонтали на вертикаль, что находит подтверждение в строительстве высоких соборов, зданий ратушей, колоколен, замков. В этот период пространство приобретает упорядоченный и строго иерархизированный порядок. Фиксация вертикальной направленности пространства свидетельствует об осознании и признании верховной власти Бога над всем остальным миром, что не означало отказа от горизонтального оформления земной, преходящей, профанной жизни. Тем не менее можно зафиксировать тот факт, что возникновение готики привело к началу складывания представлений о едином, единонаправленно организованном пространстве, которое будет владеть человеком на протяжении нескольких будущих столетий. Так как все устремления человека были связаны с движением вверх, то внизу большое внимание будет уделяться тому, что называется «пространством места», статике: «...в Средние века существовало иерархизированное множество мест: места священные и места профанные,

места защищенные и, наоборот, открытые и незащищенные, места городские и места сельские (это касается реальной жизни людей); в космогонической теории существовали места наднебесные, противопоставленные месту небесному, место же небесное, в свою очередь, противопоставлялось месту земному; существовали места, куда вещи казались помещенными, потому что их силой „сместили“, и, напротив, места, где вещи обретали свои естественные местоположение и покой. Вся это иерархия, это противопоставление, это пересечение мест складывали то, что очень грубо можно было бы назвать „пространством локализации“» [4. С. 192].

Эпоха Возрождения ознаменовала собой некий своеобразный возврат к истокам, к измерению мира человеком, как это было на заре становления культуры. Пространство становится соизмеримо с человеком, оно организуется согласно его мировосприятию, а это означает возврат к горизонтальной доминанте в организации пространства. Подтверждением данного факта является изобретение линейной перспективы как способа перспективного видения, взора, уходящего вдаль. Именно в этот период «...начинает формироваться личное пространство в рамках выделения индивидуальных пространств членов семьи, и массовое пространство, которое из-под купола собора теперь переносится на городскую площадь» [5. С. 140]. Так, в Италии традиционно сложилось, что каждый город имеет, как правило, две или три площади, служащие местом активной общественной жизни. К таковым можно отнести соборную площадь, на которой располагались колокольня, баптистерий, епископский дворец; светская площадь, называемая площадью Сеньории. Она выступала в роли представительной резиденции, которая окружалась дворцами местной знати и декорировалась историческими монументами и памятниками. На этой площади располагалась высокая терраса, с которой оглашались законы и публичные постановления. И третья – рыночная площадь, на которой часто располагалась ратуша. Соответственно самые большие, открытые пространства становятся местом активной публичной жизни, в рамках которого начинают складываться массовые формы взаимодействия больших людских групп и правила поведения в местах большого скопления людей. Таким образом, само пространство требует и заставляет субъектов формировать нормы и правила социального поведения.

Тенденцию возврата к господствующей в мировоззрении вертикали (как в Средние века) можно наблюдать в XIX в. и первой половине XX в., что было связано с расцветом имперских государств, проводивших идею сильной власти, и нашло отражение в увеличении количества высотных зданий и мемориалов, выражающих идею величия страны, величия нации. Попеременное чередование вертикальной и горизонтальной организации пространства обусловлено принципом бинарных оппозиций, когда каждая последующая культурная эпоха формируется как отрицание предыдущей, реализуя механизм поочередной актуализации двух бинарных элементов. Следует отметить, что данное чередование не приводит к простому воспроизведению ранее существующих феноменов, а сопряжено с культурным развитием. «Поступательное развитие культуры обеспечивается тем, что новый стиль, возникая на фоне предшествующего стиля, утверждаясь в полемике с ним, так или иначе соотносится с предшественником и переводит на свой язык его идеи и достижения» [6. С. 265]. Пространство Нового времени строится по осевому

принципу, в отличие от линейного эпохи Возрождения. Именно такой принцип организации предопределил фиксацию взгляда в одной точке, следовательно, все пространство обозревается с одного ракурса и благодаря этому воспринимается единым и однородным.

Новое время иначе разрабатывает внутреннее пространство помещений, которое становится более специализированным, ориентированным на выполнение определенных функций. Тенденция обособления частной жизни от общественной получает дальнейшее развитие в XVIII в., подтверждение этого можно найти в структурировании жилых помещений. Как правило, их можно разделить на три группы: «комнаты для „приличий“, или для общества, для приема друзей со всеми удобствами; парадные комнаты; наконец, личные покои, комнаты для семейного комфорта и уюта... Людские отделились от кухни, столовая – от салона, спальня превратилась в особое царство» [7. С. 470].

Разделение и специализация внутреннего жилого пространства являются доказательством освоения человеком своего ближнего окружения и стремления организовать его в соответствии со своими потребностями. Внутренний мир становится не просто своим, он осмысливается с позиций комфортного проживания и напрямую связан с образом жизни своих постояльцев. Интерьер организуется согласно делению пространства на зоны и места сообразно своим функциям. С этого момента «для дизайнера жилого интерьера можно выделить „события“ запланированные и незапланированные. К запланированным можно отнести „события“ повседневно-функциональные, такие как приготовление пищи, завтраки, обеды, ужины, выполнение различной домашней работы и т.д. Незапланированные „события“ – это такие „события“, которые... могут происходить, например: „воскресные обеды“, различные праздники... Повседневно-функциональные „события“ происходят в спланированных функциональных пространствах или „областях“: кухня, кабинет, гостиная и т.д. Незапланированные события предположительно проходят в имеющихся пространствах, образуя „области“ с двойной функцией, например, кухня-столовая, гостиная-зал и т.д.» [Там же].

Помимо функциональной специализации внутренних помещений дома, происходит и разграничение, и обособление личного пространства каждого из членов семьи. Доказательством этих процессов, по мнению Дж. Фландерс, стало появление штор на окнах первых этажей, которые способствовали отделению внутреннего пространства дома от внешнего, уличного, и формированию понятия частной жизни. По ее замечанию, «в реальности дом никогда не был и не мог быть некоммерческим пространством. В домах XIX в. проживало гораздо большее количество людей, чем в домах XXI в.: больше детей, больше слуг, жильцов и квартирантов... дом являлся рабочим пространством, ежедневно заполняемым наемными рабочими и служащими» [8. С. 106]. Одной из причин, способствовавших выделению личного пространства сначала отдельной семьи, а затем и каждого члена семьи, Фландерс называет возникновение центрального отопления и освещения. Существование печного отопления предполагает наличие людей, отвечающих за его содержание, а дороговизна дров и неразработанность системы отопления в целом приводили к тому, что в одной комнате собирались не только члены семьи, но и вся прислуга, а это означало существование единого простран-

ства не только комнаты, но и дома для всех домочадцев, включая прислугу. Те же процессы можно связать и с развитием системы освещения, вся семья и челядь собирались у одного источника освещения для выполнения домашних дел: приема пищи, шитья и т.п. Таким образом, в организации внутреннего жилого пространства можно наблюдать процессы, отражающие мировоззрение и понимание пространства: с момента открытия Галилеем бесконечности человечество во всех доступных ему формах организации пространства пыталось собрать его в единое целое, пыталось создать некую целостность, которая бесконечна, но при этом едина и читаема в рамках одного направления взгляда, заданного перспективой.

Также в интерьерах жилых домов возникают тенденции «цитирования» стилей предыдущих эпох, что диктовалось сохраняющимися в обществе устойчивыми ассоциациями между стилем и предназначением того или иного пространства: «„цитирование“ апартаментов Версаля означало определенный общественный статус и богатство. Французский стиль XVIII в. означал аристократический вкус и огромное состояние, а готика – любовь к меланхолии, древность рода, почетность» [9. С. 185]. Больше всего стремление к удобству и богатому разнообразию в убранстве внутреннего пространства проявилось в архитектуре особняков и загородных вилл.

Тем самым в архитектурное пространство приходит эклектика, следствием которой стало исчезновение внутреннего деления на главное и второстепенное пространство, на парадную и жилую зоны. Основными качествами композиционного оформления становятся, по мнению Е.И. Кириченко, равномерность и равнозначность «зданий в ансамбле, комнат в интерьере, стилиобразующих форм...» [2. С. 256].

Формирование подобного рода равнозначного пространства, а более широко – единого пространства можно заметить в изменении центра организации внутреннего жилого пространства. «В системе интерьеров особняка важную роль приобретает лестница и вестибюль, благодаря чему возникает соседство двух противоположных принципов осевого, линейного и центрического (лестница организует вокруг себя помещения). Уменьшается и сходит на нет роль центральной оси как организующего начала пространства отдельной комнаты... Архитектурный интерьер классицизма трансформируется в мебельный интерьер эклектики, где господствуют вещи, заполняя собою прежде свободное пространство комнат. Красивое отождествляется с богато украшенным, но в этой украшенности эпохе видится свидетельство ее демократизма – доступное прежде избранным становится доступным практически любому городскому жителю» [Там же]. В середине XIX в. большое внимание начинают уделять функциональным и экономическим характеристикам построек, постепенно отказываются от деления пространства на парадное и утилитарное, внутренняя планировка помещений строится в соответствии с целесообразностью расположения помещений и зависит от образа жизни и вкусовых предпочтений хозяев.

Что касается городской архитектуры, то здесь наблюдается перенос акцентов на общественные сооружения, а не частные, как раньше. Имперский стиль оказался наиболее приемлем для зданий бирж, банков, универсальных магазинов, отелей, вокзалов, театров, библиотек и т.п. Городская застройка конца XIX – начала XX в. связана с появлением комплексной застройки квар-

талов и возникновением специализированных центров – делового, торгового, транспортного и т.п. При этом можно наблюдать, что архитектура данного времени организует сооружения разных эпох в единое целое, что привело к рождению нового типа фасада – фасада-ширмы, налицо стремление к насыщенности пространства, «обжитости». Городское пространство характеризуется отсутствием пустоты, и как следствие для заполнения возможных пустот появляются малые формы архитектуры – павильоны, тумбы, скамейки, фонарные столбы.

Символом архитектуры эклектики стал доходный дом, структура которого состоит из повторяющихся по вертикали и горизонтали одинаковых квартир, а снаружи из повторяющегося декора. «В структуре доходных домов, состоявших из однородных, повторяющихся по вертикали и горизонтали ячеек-квартир, была заложена однородность, повторность... Этому благоприятствовало также функциональное и социальное назначение доходного дома: массовый тип жилья и доходный дом, сочетание в одном здании предпринимательско-буржуазного и массово-демократического начал, особенно характерных для эпохи» [10. С. 41].

Основной тенденцией построения пространства в архитектуре первой половины XX в. стало разграничение основных жизненных процессов и одновременно с этим установление необходимых связей между ними в архитектурном сооружении. С точки зрения Л. Корбюзье, мир представлял собой строго организованное пространство, и каждый человек с рождения вписан в эту пространственную геометрию расчерченных плоскостей. Субъект оказывался подчинен строгой регламентации своих жизненных процессов в структуре города и современной техники. Другой тенденцией стала черта, присущая архитектуре модернизма, – это крупное сооружение, внешний вид которого не зависит от организации внутренних пространств (например, создание передвижных перегородок). Итогом развития данной тенденции было возникновение в архитектуре свободного плана, который стал средством установления новой пространственной среды. «В отличие от прошлых эпох, когда пространственная организация обеспечивала значимость ясно определенному центру, который и представлял основные ценности жизни, а ось была обычно связана прямым отношением к центру, что приводило, естественно, к центральной или осевой симметрии пространственных композиций, архитектурное пространство модернизма не соотносится с главными центрами, но содержит некое равновесие, эквивалент зон. Таким образом, свободный план... подразумевает установление нового интерактивного отношения между внутренним и внешним, даже отказ от какого-либо ясного их различия. Так свободный план создает и одновременно дает осознать в культуре глобальную открытость современного мира» [11. С. 530]. Так модернизм доводит до своего логического завершения представление о бесконечности пространства, возникшее еще в XVII в., но если прежде оно, уходя в бесконечность, группировалось вокруг одного-единственного центра (дворца, храма, площади), то теперь оно теряет эту центральную точку опоры и просто расходится во всех направлениях. Следующим шагом станет дробление этого пространства на более мелкие сегменты в эпоху постмодернизма и глобализации. У свободной планировки есть и еще одна сторона, она привела на уровне городской застройки к возникновению чувства «потери границ» и как след-

ствие потере чувства равновесия, как это уже было после открытий Галилеем бесконечности Вселенной.

Начиная с XX в. можно говорить о взаимопроникновении внутреннего и внешнего пространств, чему способствовало создание каркасных конструкций и появление стекла как строительного материала, а также организация взаимодействия мира подземного и надземного в результате появления автомобиля и метрополитена. Именно появление стекла, зеркального остекления фасадов привело к разрушению понимания пространства как границы. Оно (стекло) порождает новые образы, так как благодаря ему возникает пространство (отражающееся на поверхности фасада), которого в реальности не существует. «Огромные многогранные – выпуклые и вогнутые – зеркальные стены многократными взаимными отражениями сюрреалистически деформировали внешнюю геометрию городских зданий и улиц и одновременно развернули фрактальные узоры городских плоскостей, включая разбитое городскими вертикалями небо» [12. С. 67]. Еще об одной особенности этого «стеклянного мира» в архитектуре пишет Ж. Бодрийяр. Он считает, что стеклянные стены создают незримую границу, которая при всей кажущейся прозрачности не объединяет, а разъединяет мир внутренний и внешний на уровне отдельного здания. Отражаясь в стекле, именно внешний мир благодаря отражению становится элементом «среды». Внешний мир как бы вводится в мир домашнего пространства. «Подобный интерьер призван создавать между людьми такое же чередование тепла-нетепла, интимности-дистантности, как и между составляющими его предметами. Человек здесь обязательно должен находиться в некотором отношении – друга или родственника, члена семьи или клиента, – но отношение это должно оставаться подвижно-„функциональным“, то есть быть в любой момент возможным, но субъективно не фиксируемым, разные типы отношений должны обладать свободой взаимного обмена» [13. С. 36]. Таким образом, мир, а за ним и окружающее нас пространство теряют всякую устойчивость, оно становится пространством возможностей, комбинаций, которые могут возникнуть.

Такое пространство возможного поддерживается и на уровне организации внутреннего пространства. В современной мебели, особенно стульях, делается акцент именно на возможности организации процессов общения. Исчезновение закрытых спинок, перил у стульев и кресел означает, что сидящий в них человек открыт к общению, «они устроены так, что взгляд может, не стесняясь, свободно блуждать по лицам, так как из-за их глубины и угла наклона он „естественно“ оказывается где-то на среднем уровне, на некоей неопределенной высоте, где произносятся также и слова. По-видимому, фундаментальная забота, которой отвечают такие кресла, состоит в том, чтобы никогда не оставаться одному, но и не оказываться ни с кем лицом к лицу» [Там же. С. 37]. То есть и внешнее, и внутреннее пространство становится пространством симуляции, симулякров, заменяющих собой реальность.

Изменения коснулись и отношений между зданиями и улицей. По мере увеличения транспортного потока именно улицы стали играть ведущую роль в формировании городского пространства (пространства потоков), а не здания и их размещение в пространстве. В итоге возникает прямоугольная планировка, которая позволяет видеть мир в перспективе и точках схода линий.

В итоге пространство становится текучим, меняющимся, а не статичным и постоянным. Пока организация пространства исходила из отдельного или группы сооружений, оно выполняло роль противовеса подвижности самого человека. «Архитектура, таким образом, всегда исполняла роль осязаемого символа всего, что дано, на что можно опереться, с чем следует считаться как с некоторым постоянным условием» [14. С. 105], в современном мире она стала комбинацией образов, возникающих при перспективном видении.

Вторая половина XX в. привела к ускорению всех жизненных процессов в обществе, что повлекло за собой усложнение пространственно-временной структуры. Скорость протекания жизни порождает основное требование к архитектуре и способу организации жизненного пространства – экономия времени, достигаемая за счет компактного размещения и гибкой пространственной связи объектов, которые теперь стали совместимыми: вокзал и торговый центр, квартира и гараж, завод и учебное заведение.

Но, как известно, высокая информационная насыщенность жизни порождает в человеке потребность в создании пространства, позволяющего отдохнуть, выключаться из насыщенного жизненного ритма. «Такое „выключение“ предполагает, с одной стороны, эффективную изоляцию человека в структуре жилища, и с другой – обеспечение необходимости разнообразия свободного общения с другими людьми» [15. С. 10–11].

Реализация такого рода потребностей изменяет и требования к организации городского пространства, оно подчиняется необходимости разграничения основных функциональных процессов – труда, быта и отдыха. Наиболее насущной становится проблема организации свободного времени и создания пространств, позволяющих протекать процессам коммуникации различных групп населения в рамках однородного пространства. Нарастание потребности в групповом общении в свободное время привело к большому распространению такого вида заведений, как кафе, таверны, бистро и т.п. Этот тип помещений позволял организовать процессы случайного или неформального взаимодействия людей. «...появление в городах огромных торговых супермаркетов, в которых населению предлагается комплекс самых разнообразных услуг (промышленные и производственные товары, кафе, рестораны, парикмахерские, кинозалы и т.п.), изменило поведение жителей – целью посещения таких комплексов стала не просто покупка, но и общение, развлечение, познание, отдых» [16. С. 192].

Ко второй половине XX в. абсолютное однородное пространство приводит к складыванию представлений о мире как некоей целостности, дойдя до этого предела, начинается обратный процесс. Представления об истории и пространстве начинают распадаться на отдельные фрагменты, и становится понятно, что история человека не может строиться в одном для всех направлении. В итоге «от человека „отчуждается“ не только Природа, как это было на исходе Возрождения, но и Событие как таковое. И отдельные единичные события, и мир как многообразие таких событий становится чем-то случайным, субъективно-иллюзорным, превращается в условный объект, лишенный всякого реального (т.е. „вещественного“, способного стать предметом непосредственной чувственной интуиции) содержания – в Объективное Ничто» [17. С. 78]. Единственным реальным становятся знаки и их комбинации. На уровне архитектуры это означает создание определенного информационного,

знаниевого пространства, которое служит для протекания и реализации различных маркетинговых сценариев, логистики и т.п.

Данные процессы приводят к формированию двух тенденций: минимализма или функционализма в архитектуре, где из нее убирается все, что могло бы стать «эстетическим пустословием», всего, что служит для украшения. Вторая – «эстетическая автономия», признание творческой индивидуальности, инновационности отдельной личности. «Творческая инновационность, которая воспринимается как эквивалент внутренней свободы автора, полноты и искренности его самовыражения... принцип автономии снимает любую рассудочную цензуру... В целом же формальная оригинальность, непривычность, „странность“ пластического решения становятся в XX в. непременным признаком практически любого успешного проекта» [17. С. 82].

Современное постмодернистское пространство характеризуется заменой понятной, устойчивой среды загадочной и малоизвестной, постоянно меняющейся. «Новая среда – метафизический пейзаж, уводящий от реальности, обладающий наркотическим эффектом» [18. С. 382]. Мир глобализации характеризуется изменением основных ценностей, совершается переход от статики к динамике, от пространства мест, где можно было остановиться и почувствовать покой, к пространству потоков и связей, которые никогда и нигде не останавливаются и постоянно пополняются новыми действующими лицами и предметами. Постмодернистская архитектура – это не только функция и конструкция, но также и средство коммуникации. «Фасад постмодернистской постройки представляет собой сообщение определенного послания, сообщение о ее назначении и принадлежности к другим постройкам или учреждениям, о ее истории и времени возникновения и т.п. Архитектурное сооружение пытается выразить и символизировать не только явный смысл и единственную функцию, но и скрытые функции и значения» [19. С. 224].

Таким образом, абстрактное пространство или пространство связей можно рассматривать как диалог, как пространство, предполагающее молчаливое соглашение между его субъектами о равноправии всех наполняющих его людей. Такое пространство работает по принципу определенного устройства, напоминающего язык. Это, по мнению А. Лефевра, предполагает, что внутри такого пространства для людей приобретают особую значимость отношения, возникающие в определенных местах (торговых лавках, кафе и т.д.). В итоге рождаются определенные коннотативные высказывания об этих местах, и это означает, что в эти места люди ходят спокойно, не ожидая никаких неприятностей. «Что же касается высказываний денотативных, то есть описательных, то они приобретают почти юридический вид и также влекут за собой консенсус: нельзя драться, чтобы занять одно и то же место; следует оставлять свободное пространство, по возможности соблюдая проксемику, почтительное расстояние» [20. С. 69].

Новое понимание пространства привело к смене официальных доминант в городах. Глобализация общественной жизни означает перенос акцентов с общественного жилья на личное, а сокращение доли государства в современной экономической жизни в архитектуре привело к доминированию типов зданий, принадлежащих транскорпорациям, которые строят небоскребы своих офисов и банковского сектора. Также изменилось смысловое наполнение публичного пространства, которое превратилось только в способ упорядоче-

ния движения жителей города и транспортных потоков. Центры городов становятся площадками для театрализованных парадов, разного рода шествий и демонстраций, тем самым публичное пространство теряет свой субстанциональный смысл. Так, например, в Средние века и в эпоху Возрождения площади были, как правило, местом общественной жизни, в итоге публичное пространство оказывалось связанным с прилегающими общественными зданиями. В эпоху барокко всегда оставляли незастроенной одну сторону большого двора, тем самым архитектура сливалась с окружающей городской средой и оставалась открытой для обозрения. В современном городе пространство разбито на различные замкнутые небольшие участки, а то, что остается между ними и образует улицы и площади, предназначено только для передвижения, коммуникации, а не выражения некоего смыслового начала и доминанты.

Современность создает виртуальное пространство, которое занимается моделированием новой реальности. Основным видом и способом существования такой реальности является симулякр или псевдовещь, которая стирает границы между реальным и воображаемым. Как было отмечено А.В. Харламовым, «виртуальная» реальность является «симулирующей действительность и превращающей человека в объект дальнейших манипуляций» [21. С. 16]. Доказательством подобных тенденций может служить изменение функций фасада зданий: с одной стороны, на фасаде может просматриваться каркас здания, с другой – он оказывается скрытым за навесной конструкцией. «В городских зданиях нависание вышележащих этажей над первым этажом имеет свое функциональное оправдание. Первый этаж, свободно просматриваемый с улицы благодаря наличию больших витрин, служит для непосредственной связи между внутренними помещениями зданий и улицей. В этажах, расположенных выше, находятся помещения, которые должны быть изолированы от улицы» [22. С. 99]. Появление на уровне первых этажей большого количества витрин, полностью просматриваемых человеческим взглядом, также подтверждает факт симуляции реальности, так как создает иллюзию отсутствия границ, создает чувство безопасности, потому что пешеходы ощущают присутствие других людей, видимых сквозь стекло, мир становится тем самым менее плотным, прозрачным и легким, даря чувство комфорта и соприсутствия. Выходя на улицу, человек видит Другого и избавляется от чувства одиночества.

Перетекание различных пространств друг в друга отражает и органическая архитектура, связанная с именем Ф.Л. Райта. Он выдвинул идею взаимосвязи зданий с окружающим миром, а всех предметов интерьера – с организацией внутренней среды жилого дома. «Согласно принципам органической архитектуры пространство жилища делится на зоны: общую и частную (приватную, интимную). Причем общая зона проектируется без стационарных перегородок: холл перетекает в гостиную, гостиная в столовую и т.д... Общая зона в жилище... должна представлять собой единое пространство, для того чтобы семья, живущая в нем, всегда могла быть вместе, общаться и видеть друг друга, даже занимаясь разными делами. Интимная же часть служит для уединения и отгораживается непроницаемыми для глаза стенами и дверями... внутреннее пространство дома проектируется перетекающим во внешнее пространство, когда здание гармонично вписывается в окружающий ландшафт» [23. С. 58].

Таким образом, тенденции организации и понимания пространства в Новое время подтверждают все те же тенденции, которые наблюдались на протяжении всей истории человечества и культуры. В понимании и построении пространства в XIX–XX вв. можно констатировать переход от единого абсолютного пространства, просматриваемого с одной точки зрения, к единому пространству, просматриваемому с разных, множественных точек зрения, к пространству, разбитому на отдельные сектора, замкнутые в себе, симулирующие реальность и ее предметы. Это пространство было ориентировано на формирование особой среды обитания, отражающей иной уровень комфорта [24. Р. 438]. Новое время и его архитектура развивались и развиваются, как правило, в среде, созданной другими поколениями, и в итоге уже именно среда начинает диктовать обществу способы его передвижения в публичном пространстве и личном, если говорить о старых зданиях либо об изменении их смыслового значения: пространство из материального контейнера для проживания и передвижений превратилось в пространство социальных отношений и коммуникации.

Литература

1. *Loiko O.T.* The Cyberspace in Relation to the Cultural Memory [Electronic resource] // Innovation Management and Education Excellence Vision 2020: from Regional Development Sustainability to Global Economic Growth : proceedings of the 27th International Business Information Management Association Conference (IBIMA), Milan, Italy, 4–5 May 2016. Milan: IBIMA, 2016. P. 68–74. URL: <http://www.ibima.org/ITALY2016/papers/timo.html> (дата обращения: 16.11.2017).
2. *Искусство ансамбля* : Художественный предмет – интерьер – архитектура – среда. М. : Изобразительное искусство, 1988. 464 с.
3. *Тихомирова Е.Е., Чжао Цзиннань.* Когда жилище становится домом: универсальные культурные смыслы китайской традиции // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2012. Т. 7, № 3. С. 98–103.
4. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть : Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с.
5. *Чапля Т.В.* История архитектуры в зеркале истории коммуникативного пространства // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 136–143. DOI: 10.17223/15617793/415/19
6. *Видеркер В.В.* Неомифологический текст в культуре символизма // Философия образования. 2011. № 5 (38). С. 260–268.
7. *Ефремова О.В.* Теоретические концепции освоения пространства и особенности формирования художественной пространственной организации современного жилого интерьера // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 2 (21). С. 468–472.
8. *Фландерс Дж.* Сотворение дома. М. : Центрполиграф, 2016. 336 с.
9. *Мак-Коркодейл Ч.* Убранство жилого интерьера от античности до наших дней. М. : Искусство, 1990. 245 с.
10. *Кириченко Е.И.* Русская архитектура 1830–1910-х годов. М. : Искусство, 1978. 400 с.
11. *Очерки истории теории архитектуры Нового и Новейшего времени.* СПб. : Коло, 2009. 656 с.
12. *Николаева Е.В.* Фракталы городской культуры. М. : Страта, 2014. 347 с.
13. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М. : РУДОМИНО, 1995. 174 с.
14. *Арнхейм Р.* Динамика архитектурных форм. М. : Стройиздат, 1984. 192 с.
15. *Гутнов А.Э., Лежва И.Г.* Будущее города. М. : Стройиздат, 1977. 126 с.
16. *Заборова Е.Н.* Феномен города с точки зрения теории социального пространства // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 2 (57). С. 188–195.
17. *Ситар С.* Архитектура внешнего мира : Искусство проектирования и становления европейских физических представлений. М. : Новое из-во, 2013. 272 с.
18. *Добрицына И.А.* От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 416 с.
19. *Неботова Е.С.* Формирование эстетических принципов архитектуры постмодернизма // Вестник МГУКИ. 2014. № 4 (61). С. 222–225.
20. *Лефевр А.* Производство пространства. М. : StrelkaPress, 2015. 432 с.

21. Харламов А.В. Социальное отчуждение в информационном взаимодействии : автореф. дис. ... филос. наук. Кемерово : КемГУКИ, 2007. 20 с.
22. Зигель К. Структура и форма в современной архитектуре. М. : Стройиздат, 1965. 267 с.
23. Шилин В.В. Архитектура и психология. Н. Новгород : ННГАСУ, 2011. 66 с.
24. Loyko O.T. Well-being as a Phenomenon: Research Paradigms of the Fifth Age [Electronic resource] // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpsBS). 2017. Vol. 19: Lifelong Wellbeing in the World (WELLSO 2016). P. 438–443. URL: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2017.01.59> <http://earchive.tpu.ru/handle/11683/37280>. (дата обращения: 16.11.2017).

Tatyana V. Chaplya, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: Chap_70@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2019, 33, pp. 120–132.

DOI: 10.17223/22220836/33/10

ARCHITECTURAL SPACE OF THE NEW TIME: DYNAMICS AND ORGANIZATIONAL FEATURES

Keywords: Architecture; modernism; postmodernism; space; interior.

Studying and understanding the ways of space organization, as well as the dynamics of it throughout history is relevant, since it allows us to understand how and why people organize their lives one way or the other. The purpose of this article is to analyze the specifics of understanding and organizing space in the XIX–XX centuries and to identify the interrelations between the way people viewed the world and organized their space, both at a level of a separate building and at a level of organization of the external environment (a city, a street, a yard).

Since antiquity, the only measure of space was a human being, and therefore it was centric. The views of space started to form in connection with the movement of a man into the distance, deep into nature – away from himself.

The middle ages brought a change in the perception of the world: from horizontal point of view to the vertical one, and that was confirmed by architecture: high cathedrals, town hall buildings, bell towers and castles being built. During this period space acquires an orderly and strictly hierarchical order.

During the Renaissance space became a commensurable with a man, which was reflected in the return to the domination of the horizontal view on the space organization: architecture once again became anthropocentric. Unlike linear space during Renaissance period, the space of the New Era is built on the axial principle. This principle of organization predetermined the fixation of the attention at a single point, causing all the space to be viewed from one angle, making it homogenous and unified because of it.

The world or globalization is characterized by a change of basic values, the transition from statics to dynamics, from the space of places where one could stop and feel peace to the space of flows and connections that never stop moving and that are constantly replenished with new faces and objects. Postmodern architecture is not only a function and a structure, but also a means of communication.

The main tendency of space organization in the architecture of the first half of the 20th century was the separation of the basic life processes and, at the same time, the establishment of the necessary connection between them in a building.

To better understand the space organization of the XIX–XX centuries, we can state the transition from a unified, absolute space, viewed from a single angle, to a unified space observed from multiple points of view, to a space divided into separate self-contained sectors that simulate reality and its objects. It can also be noted that the New Age and its architecture has been developing in the environment created by other, new generations, and as a result, it is the environment that begins to dictate to society how to move in a public and personal space. As for old buildings and change in their semantic meaning: the space has turned from a material container for living and acting inside to a space of social relations and communication.

References

1. Loyko, O.T. (2016) The cyberspace in relation to the cultural memory. *Innovation Management and Education Excellence Vision 2020: from Regional Development Sustainability to Global Economic Growth*. Proc. of the 27th International Business Information Management Association Conference (IBIMA). Milan, Italy. May 4-5, 2016. Milan: IBIMA. pp. 68–74. [Online] Available from: <http://www.ibima.org/ITALY2016/papers/timo.html>. (Accessed: 16th November 2017).
2. Nekrasova, M.A. (ed.) (1988) *Iskusstvo ansamblya: Khudozhestvennyy predmet – inter'er – arkhitektura – sreda* [Art of the ensemble: Artistic object – interior – architecture – environment]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo.

3. Tikhomirova, E.E. & Zhao Jinnan. (2012) Kogda zhilishche stanovitsya domom: universal'nye kul'turnye smysly kitayskoy traditsii [When a house becomes home: universal cultural meanings of the Chinese tradition]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 7(3). pp. 98–103.
4. Foucault, M. (2006) *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and power: Selected political articles, oratories and interviews]. Translated from French by Ch. Ofretas. Moscow: Praksis.
5. Chaplya, T.V. (2017) History of architecture in the mirror of the communicative space history. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 415. pp. 136–143. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/19.
6. Widerker, V.V. (2011) Neomifologicheskii tekst v kul'ture simvolizma [Neo-mythological text in the culture of symbolism]. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*. 5(38). pp. 260–268.
7. Efreмова, O.V. (2011) Teoreticheskie kontseptsii osvoeniya prostranstva i osobennosti formirovaniya khudozhestvennoy prostranstvennoy organizatsii sovremennogo zhilogo inter'era [Theoretical concepts of space development and formation of the artistic spatial organization of a modern residential interior]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 13-2(21). pp. 468–472.
8. Flanders, J. (2016) *Sotvorenie doma* [The Making of Home]. Translated from English by G. Khranova. Moscow: Tsentrpoligraf.
9. Mac-Corcodeil, C. (1990) *Ubranstvo zhilogo inter'era ot antichnosti do nashikh dney* [The décor of a residential interior from antiquity to the present day]. Translated from English by E.A. Kantor. Moscow: Iskusstvo.
10. Kirichenko, E.I. (1978) *Russkaya arkhitektura 1830–1910-kh godov* [Russian Architecture of the 1830-1910s]. Moscow: Iskusstvo.
11. Azizyan, I. (ed.) (2009) *Ocherki istorii teorii arkhitektury Novogo i Noveyshego vremeni* [Essays on the History of the Theory of Architecture of New and Contemporary History]. St. Petersburg : Kolo, 2009. 656 s.
12. Nikolaeva, E.V. (2014) *Fraktaly gorodskoy kul'tury* [Fractals of Urban Culture]. Moscow: Strata.
13. Baudrillard, J. (1995) *Sistema veshchey* [The System of Things]. Translated from French by S. Zenkin. Moscow: RUDOMINO.
14. Arnheim, R. (1984) *Dinamika arkhitekturnykh form* [The Dynamics of Architectural Form]. Translated from English by V.L. Glazychev. Moscow: Stroyizdat.
15. Gutnov, A.E. & Lezhava, I.G. (1977) *Budushchee goroda* [The Future of the City]. Moscow: Stroyizdat.
16. Zaborova, E.N. (2006) Fenomen goroda s tochki zreniya teorii sotsial'nogo prostranstva [The phenomenon of the city in terms of the theory of social space]. *Vestnik YUUrGU – Bulletin of the South Ural State University*. 2(57). pp. 188–195.
17. Sitar, S. (2013) *Arkhitektura vneshnego mira: Iskusstvo proektirovaniya i stanovleniya evropeyskikh fizicheskikh predstavleniy* [Architecture of the External World: The Art of Designing and Establishing European Physical Representations]. Moscow: Novoe izdatelstvo.
18. Dobritsyna, I.A. (2004) *Ot postmodernizma – k nelineynoy arkhitekture: Arkhitektura v kontekste sovremennoy filosofii i nauki* [From postmodernism to non-linear architecture: Architecture in the context of modern philosophy and science]. Moscow: Progress-Traditsiya.
19. Nebotova, E.S. (2014) The formation of aesthetic principles of postmodernism architecture. *Vestnik MGUKI*. 4(61). pp. 222–225. (In Russian).
20. Lefevre, A. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [Space Production]. Translated from French by I. Staf. Moscow: StrelkaPress.
21. Kharlamov, A.V. (2007) *Sotsial'noe otchuzhdenie v informatsionnom vzaimodeystvii* [Social exclusion in information interaction]. Abstract of Diss. Kemerovo: KemGUKI.
22. Siegel, K. (1965) *Struktura i forma v sovremennoy arkhitekture* [Structure and Form in Modern Architecture]. Translated from German. Moscow: Stroyizdat.
23. Shilin, V.V. (2011) *Arkhitektura i psikhologiya* [Architecture and Psychology]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering.
24. Loyko, O.T. (2016) Well-being as a Phenomenon: Research Paradigms of the Fifth Age. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS)*. 19. pp. 438–443. [Online] Available from: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2017.01.59> <http://archive.tpu.ru/handle/11683/37280>. (Accessed: 16th November 2017). DOI: 10.15405/epsbs.2017.01.59